

Миливое Йованович

Удачи и поражения Всеволода Иванова

К 100-летию со дня рождения писателя

С 13 по 16 марта сего года Пушкинский дом, мэрия Санкт-Петербурга и ряд других научных учреждений и организаций устраивают международную конференцию «Литературная группа „Серапионовы братья“: истоки, поиски, традиции, международный контекст». В рамках конференции предполагается осветить проблемы, связанные со значением «Серапионовых братьев» в истории русской и мировой культур, с изучением их наследия в разных странах мира. Особое место в ее программе отведено исследованию творчества Вс. Иванова, столетие со дня рождения которого отмечается в нынешнем году.

Сколь ни странно, наследие «серапионов» почти не изучено. Единственная книга об этом содружестве («„Серапионовы братья“: Теория и практика»), написанная Хонгором Улановым, вышла за пределами России в 1966 году. Работы об отдельных «серапионах», опубликованные как в России, так и за ее рубежами, не удовлетворяют во многом; в них, как правило, сужается круг тем, связанных с таким ярким явлением русской литературы, каким было в начальный период далекое от общественного и политического утилитаризма «братство».

Помимо того, перед участниками названной конференции, по-видимому, будет вставать несколько парадоксальный вопрос: а что по сути осталось от «серапионовского» наследия? Ответ однозначен: осталось отнюдь не все, ими созданное. Лишь Зоценко и Лунц вошли в великую русскую литературу почти всеми своими сочинениями, к тому же Лунц приобрел это право тем, что не успел пойти на уступки всесильной цензуре. Федин скомпрометировал себя уже в пору работы над романом «Братья», Никитин — после опубликования «Обоянских повестей», Слонимский — после «Шестого стрелкового». Тихонов запомнится скорее как автор повести об антигерое «Рискованный человек», чем как поэт, несмотря на его учебу у Гумилева. Да и Каверин останется не весь: между повестью «Художник неизвестен» и «Черновик человека», с одной стороны, и произведениями вроде «Перед зеркалом», с другой, лежит большой промежуток авторских попыток

стать настоящим советским писателем. Сказанное полностью относится и к сочинениям Вс. Иванова, которого Лунц в одном из писем Горькому уже в 1922 году назвал «добрым, редким товарищем», но «не братом».

«Не брата» сначала считали бытописателем, обаянным впечатлением от только что кончившейся гражданской войны в Сибири, в которой Иванов принимал участие, сражаясь на обеих сторонах. Это мнение было справедливым лишь отчасти.

Вс. Иванов действительно отдавал предпочтение быту, языку и психологии героев перед сюжетом, однако сюжет уже в самых ранних его рассказах строился спонтанно, в силу той противопоставленности выделенного, мечтательного героя бытового нравам (образы Варвары, Аксиньи и Ермы в «Лоскутном озере», «Логгах» и «Синем зверюшке»), то ли брошенности героя в войной отчужденный мир («Дите», «Полая Арапия»).

«Экзотического» Иванова, автора «Седьмого берега» и других ранних сборников, охотно печатали и на родине и за границей, к его книгам писали предисловия Луначарский, Воронский и Лежнев, отдельные его рассказы появлялись даже в официальной печати («Полая Арапия» — в «Правде»). Подобное его положение тем не менее оказалось непрочным, ибо ивановские герои-одиночки, ищущие чудесного, продолжали вести себя все более и более странно, уходя в «тайное тайных» своей собственной и окружающей их загадочной жизни.

Ко времени возникновения сборника «Тайное тайных» (1925—1927), на который обрушился шквал большевистской критики за его установочную на подсознательное и иррациональное, короче говоря, за фрей-

Всеволод Иванов.

дизм, у Иванова определились темы человека, втайне жаждущего любви («Пустыня Тууб-Коя», «Жизнь Смокотинына») и мирной жизни («Поле») и вместе с тем охваченного паническим страхом одиночества («Польня»).

В концовке «Счастья епископа Валентина» ситуация эта четко сформулирована: «Какая пустыня, какое одиночество... И как тяжело жить, если счастье человеческое состоит в том, что ты не смеешь судить мир, не имеешь силы убежать от мира и должен подчиниться тайному тайных земли...» Героев, пытающихся опровергнуть этот непреложный закон, ждет возмездие космических сил.

Иванов не довольствовался только малыми формами, он писал повести и романы («Партизаны», «Бронепоезд №14-69», «Цветные ветра», «Голубые пески» и др.), более удобных для истолкования происходивших событий с точки зрения философии истории. Он отправлялся от идеи об инертности крестьянской массы и «думающих» одиночках в обоих, противопоставленных друг другу станах, но весьма уязвимой представляла его итоговая мысль о «правоте» и тех, и других.

В отличие от сюжетов сборника «Тайное тайных», в романе «Кремль», над которым Иванов работал с 1929 по 1943 год, философия таинственных зовов задумана как нечто, нуждающееся в преодолении. Кроме того, роман Иванова погубила авторская тенденция к воссозданию неомифического мира Мануфактур, независимого от устоев Кремля, что повлекло за собой итоговое разоблачение религиозной общины во главе с Агафьей, оказавшейся на поверку не «невестой Христа», а злой женщиной-гордячкой, соблазнившей многих героев.

Отступление первое. В июне 1976 года мне довелось познакомиться с Тamarой Владимировной, вдовой Иванова. К тому времени я был автором перевода одной книги ивановских рассказов, озаглавленной «Монголия — зверь дикий и нерадостный», и собирался писать о неопубликованном Иванове в пособии «Взгляд на русскую советскую литературу».

Рекомендация Ярослава Жака, чешского исследователя, возымела действие, и мне сразу были предложены для чтения машинописи «Кремля» и романа «У». Оба романа я прочел залпом; «У» очень понравился, тогда как «Кремль» произвел на меня куда менее благоприятное впечатление.

В разговоре с Тamarой Владимировной я узнал, что Л. Арагон заинтересован в переводе на французский язык и того, и другого романа, но что ей, Тamarе Владимировне, хотелось увидеть первые их публикации на одном из славянских языков. «Вот возьмитесь за „Кремль“», — сказала она. Мне стало неудобно. «Может быть, за „У“», — промолвил я в смущении. «Нет, сначала за „Кремль“», а потом уж за „У“», — гласил ответ. Из этой затеи, однако, ничего не вышло: белградские издатели оказались равнодушными к наследию Иванова. Судьба же русских публикаций «Кремля» и «У» сложилась по-разному.

«Кремль» появился в России в 1981 году (под названием «Ужгинский Кремль») в неудобочитаемом виде. «У» опубликован сначала в таком же виде в издании лозаннского «L'Age d'Homme» (в 1982 году) и лишь шесть лет спустя стал доступным и отечественному читателю в роскошном издании московской «Книги».

Если «Кремль» постигла неудача, особенно в контексте его многочисленных переделок, то роман «У» вышел блестящим, во многом уникальным в жанровом отношении сочинением русской литературы советского периода. Это сочетание романа тайн и философского романа с увлекательным авантюрным и детективным сюжетом предстает пародией на всякие «производственные» произведения, создававшиеся в эпоху пятилеток с целью показа процесса перековки якобы ущербных героев.

Любопытно, что в строении своего романа тайн Иванов весьма искусно спародировал не только сюжеты конан-дойловских героев, но и ряд сюжетных ситуаций в романе «Идиот» Достоевского. Помимо всяческих отступлений в повествовании рассказчика, а также напряженного, зачастую загадочного ораторствования героев, восходящих и к другим романам Достоевского, в романе «У» обыграны ситуации князя Мышкина (в сценах нелицеприятного отношения жильцов дома №42 к Андрейшину), Настасьи Филипповны (Сусанна — в прошлом «падшая женщина», которая должна возродиться), Ипполита Терентьева (в эпизоде с «исповедью» Черпанова и в мотиве его «девятипечатного пакета») с документом «огромной важности», Лебедева и его круга («шесть братьев Лебедевых» и их сообщники). Именно обращенность Иванова к Достоевскому повлияла на апокалиптический характер сюжета романа в целом.

За романом «У», историко-литературные источники которого (Петроний, Честертон) справедливо отмечены еще Шкловским, последовал творческий период, который можно полностью зачеркнуть. Иванов в нем наравне с другими советскими писателями создавал лживую литературу, центральным «событием» которой является роман «Пархоменко». Все произведения этого типа канули в Лету, и «Похождения факира» были лишь типичным для эпохи более или менее талантливым уходом писателя в прошлое, равнявшимся бегству от показа действительности. Иное дело «фантастический» цикл, начавшийся в 1946 году с «Сокола», единственного сочинения цикла, опубликованного при жизни писателя.

В этом цикле также частично ис-

пользован «старый» материал мифов, легенд и художественных текстов прошлого (о Сизифе, Агасфере, Фаусте, волшебной лампе Алладина, странном герое рассказа Боккаччо), однако не с целью его пародирования, а для его фиксации в качестве отправного пункта в поисках красоты и добра, победивших безвременье. Все «фантастические» герои Иванова (и мифические, и современные) сняли свои маски, вследствие чего были отменены (при сохранении историко-мифологического фона) как «известные» ходы сюжета, так и его развязка. И вот что получилось. В «Соколе» счастливый конец замечен сценой разочарования героя в недостойной избраннице сердца, навеванной, возможно, сходным сюжетным движением в бунинском рассказе «Темные аллеи». В «Медной лампе» хэппи-энд тоже отсутствует, однако тяга героя к любви остается действительной.

Перед читателем образцы любви недостойной, недостижимой, жертвенной, бессмертной, любви — источника всех человеческих стремлений и начинаний.

Отступление второе. Как-то в 1988 году Тamarа Владимировна пожаловалась, что интерес к Иванову притух; никто не задумывается над изданием нового собрания его сочинений, нет должного отклика на то, что вышедши роман «У», о «фантастическом» цикле критика как будто забыла. Я вспомнил о моем переводе рассказов «Микаил — Серебряная дверь», не попавшего ни в одну из ивановских книг, и посоветовал Тamarе Владимировне предложить Б.Сарнову, перепечатавшему в «Огоньке» шедевры русской прозы, опубликовать этот рассказ.

«Лучше сделайте это вы, — ответила Тamarа Владимировна, — и напишите к рассказу свой комментарий». По ряду причин я не смог этого сделать. Б.Сарнов потом проинформировал меня, что он сам потерял вкус к подобным публикациям, да и редакция «Огонька» склонна была считать их запоздалыми, в особенности после опубликования нагибинской антологии в «Книжном обозрении».

Этот «трехчастный» Иванов (рассказы 20-х годов; роман «У», «фантастический» цикл) и останется в великой русской литературе. Останется художник, идущий, спотыкаясь, от бессюжетных историй сиюминутной и суетливой «голой» жизни к четко и занятно построенным сюжетам, собранным вокруг вечных ценностей, от экзотических сцен брошенности человека во внешнее ко взгляду на человека изнутри, от фантастики быта к фантастике бытия, которое и есть «тайное тайных».

...С молодым белградским филологом В.Меденицей мы недавно готовили к печати антологию русского рассказа 20-го века от Сологуба до Хармса. Когда работа была закончена, Меденица подвел ее итоги с присущей ему вдумчивостью: «Пожалуй, лучший рассказ в книге — это „Дите“». Я, поклонник Булгакова, Платонова, Замятина и Бабеля, не стал возражать ему.

Белград